

- ³ Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 1. С. 165.
- ⁴ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 101 об., 199 об.
- ⁵ Гуськова Т.К. О некоторых особенностях демографических процессов на Урале в эпоху феодализма (по материалам Нижне-Тагильского горно-заводского округа конца XVIII – первой половины XIX вв.) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С. 54.
- ⁶ Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. Челябинск, 1995. С. 125; Неклюдов Е.Г. Заводские деревни Нижнетагильского округа Демидовых в XVIII – первой половине XIX в. // Тагильский край в панораме веков. Екатеринбург, 1999. С. 35-36, 38-39, 41.
- ⁷ Гуськова Т.К. О некоторых особенностях... С. 109.
- ⁸ Неклюдов Е.Г. Заводские деревни... С. 37.
- ⁹ Гуськова Т.К. О некоторых особенностях... С. 121; Неклюдов Е.Г. «Обзор деревень Нижнетагильского округа» Я.Н. Горелова как источник по истории уральских заводских поселений и их населения // Документ. Архив. История. Современность. Вып.3. Екатеринбург, 2003. С. 285-286.
- ¹⁰ Описание Гороблагодатских заводов // Горный журнал. 1839. Ч. 1. Кн. 1. С. 97.
- ¹¹ Мозель Х. Указ. соч. С. 167.
- ¹² Корельский А. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время // Русская старина. 1905. № 11. С. 314.
- ¹³ Архангельский И.И. Этнографические очерки горнозаводского населения Урала (извлечено из неофициальной части Пермских губернских ведомостей 1890 г.). Пермь, 1891. С. 3.
- ¹⁴ Блинов М. Историко-статистическое известие о Камско-Воткинском заводе и тамошних вотяках // Журнал Министерства внутренних дел. 1855. Ч. 3. Отд. 3. С. 10.
- ¹⁵ Алферов Н.С. Зодчие старого Урала. Первая половина XIX века, Свердловск, 1960. С. 130-131, 150, 162, 184; Лотарева Р.М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1993. С. 80-83, 139, 143.
- ¹⁶ Блинов М. Указ. соч. С. 40-41.

Е.В.АЛЕКСЕЕВА

ПОСЛЕДНИЙ ФРОНТИР: РУССКАЯ АМЕРИКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ДИФфуЗИОНИЗМА *

Проблема взаимосвязи модернизации и освоения восточных регионов России в XVIII – XX столетиях приобретает актуальное звучание в современных условиях. В конце января 2012 г. заместитель министра экономического развития А.Слепнев выразил готовность обсуждать с партнерами по АТЭС передачу в аренду сельскохозяйственных земель Приморского, Хабаровского краев и Амурской области. Речь, по его

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-6582.2012.6.

словам, может идти о площадях до 200 тысяч га, сдаваемых за 50 руб. за гектар: «у нас есть свободные площади, свободные возможности, которые сейчас не используются, потому что там не так много населения». Действительно, Дальний Восток, занимающий 36% территории России, заселенный немногим более 6 млн человек (5% населения РФ), превратился в самый депопулирующий регион страны: за период 1991–2010 гг. демографические потери здесь составили 1,8 млн человек (22% населения)¹. Неблагоприятны и существующие в региональном социуме настроения. По данным последнего социологического опроса РОМИР (сентябрь 2012 г.), треть жителей городов России (31%) хотели бы эмигрировать из страны. (За семь лет, с момента, когда проводился аналогичный опрос, число желающих эмигрировать выросло на 12 процентных пунктов)². В крае эти показатели еще выше. Почти 40% жителей Дальнего Востока и Сибири рассматривают возможность покинуть этот регион. По данным ВЦИОМ, из тех, кто желает мигрировать, 57% хотят переехать в другой российский город, 20% — за рубеж, 23% пока не определились с направлением. Лишь 6% опрошенных считают, что ситуация в регионе благополучная³. Сложившийся комплекс проблем пытаются решать на высшем государственном уровне. На эффективное освоение восточных территорий России нацелен проект закона «О развитии Сибири и Дальнего Востока», предусматривающего создание Госкорпорации по развитию Сибири и Дальнего Востока. Предполагается, что участники проекта будут освобождены от НДС, налогов на прибыль, имущество, землю. Госкорпорация сможет распоряжаться государственной землей, недрами, лесом, без всякого конкурса предоставляя все это реализаторам того или иного проекта⁴. Одним из первых практических шагов в восточном векторе развития страны стало создание в конце мая 2012 г. федерального министерства по развитию Дальнего Востока, которое возглавил полпрезидент России в ДФО В. Ишаев. На прошедшем в сентябре 2012 г. во Владивостоке саммите АТЭС развитие восточных регионов России Президент РФ В. Путин назвал ключевой геополитической задачей, от решения которой зависят качество жизни россиян в ближайшие десятилетия, а также международный имидж страны. Очевидно, что принятие решений, касающихся эффективного развития периферийных восточных территорий, должно опираться не только на экономические и политические расчеты, но и на богатый исторический опыт, накопленный во взаимодействии человека и природы, коренного и пришлого населения, национальных и международных интересов на восточных рубежах нашей страны.

На протяжении всей истории России колонизация новых пространств имела огромное значение для прирастания могущества государства. В XVIII в. расширение территории империи активно шло за счет освоения Дальнего Востока и Камчатки. Перешагнув за океан, оно продолжилось Русской Америкой. Единственная официальная колония Российской империи включала в себя Аляску, Алеутские острова, Александровский архипелаг, поселения на юге тихоокеанского побережья современных США. В 2012 году отмечается 200-летие русских земель в Калифорнии. Форт Росс существовал с 1812 по 1841 г., являясь самым южным форпостом Российской империи в официально занятых ею североамериканских землях⁵. В первой четверти XIX в. были предприняты попытки (не поддержанные русским правительством) отодвинуть этот фронтир значительно южнее. На острове Кауаи (ныне штат Гавайи, США), в 1816 — 1817 гг. под руководством служащего Российско-американской компании Георга Шеффера местные жители разбили плантации и сады, построили здания для будущей фактории и три крепости, названные в честь Александра I, его жены императрицы Елизаветы⁶ и Барклая-де-Толли. В Елизаветинской крепости была построена небольшая церковь, а на территории Александровской — часовня, ставшие первыми православными храмами на Гавайях. На пожалованных гавайским королем территориях Шеффер переименовал долину Ханалеи в Шефферталь (долина Шеффера), реку Ханапепе в Дон, а местным вождям дал русские фамилии Платов и Воронцов.

История Русской Америки основательно изучена, однако ни модернизационная, ни диффузионная теории для ее интерпретации не применялись⁷. Модернизация как исторический феномен трансформации традиционного общества в современное — это исторический процесс возникновения и адаптации нововведений. Выработка и заимствование инноваций, распространение их из центра появления на периферию, конкурентная борьба за первенство, основанное на технологическом и культурном преимуществе — ключевые идеи диффузионистского подхода к истории. Согласно теории диффузионизма, общество, на которое распространяется волна нового технологического и культурного влияния, трансформируется, заимствуя и адаптируя принесенные ею оружие, предметы материальной и элементы духовной культуры. Именно так, в области материального обеспечения жизнедеятельности, в сфере системы ценностей, культуры, образа жизни во второй половине XVIII — 1867 г. на западное побережье Америки распространялась российская культурная волна. Восприятие и усвоение привнесенных русскими инноваций создавало условия для модерни-

зации жизни аборигенного населения. Русская колонизация североамериканского побережья, имея свои особенности, шла в общем русле мирового колонизационного движения, главными элементами которого, по образному выражению Д. Даймонда, были ружья, микробы и сталь. В результате их действия количество коренных жителей существенно сокращалось. Выжившие заимствовали оружие, аграрные и промышленные технологии белых пришельцев, воспринимая и в определенной степени усваивая культурные и духовные ценности европейской цивилизации.

С 2000-х гг. исследователями активно сопоставляется русское продвижение на восток и американский фронтир⁸. Впервые такой подход применительно к русскому освоению Америки был обоснован нами в 1989 г., развит в последовавших публикациях, специальной монографии⁹. *Фронтир* — передовой рубеж колонизационного движения, разделяющий ранее освоенные и находящиеся в процессе начальной колонизации территории государства — следует рассматривать как фронт распространяющейся культурной волны. Среди элементов русского культурного круга, распространившегося во второй половине XVIII в. из России на северо-западную Америку были: огнестрельное оружие, новые продукты питания и технологии их производства, одежда, орудия труда, православие, созданная на основе кириллицы специальная письменность для аборигенов. Все эти заимствования нашли отражение в языке, как будет показано ниже, стали частью культурного наследия коренного населения края.

Наступление русской диффузионной волны сопровождалось крупными демографическими изменениями: массовыми миграциями туземцев (преимущественно насильственными) и вымиранием населения. Аборигены гибли в столкновениях с русскими, на опасных промыслах умирали от голода и болезней, завезенных русскими. К началу контактов с русскими алеуты насчитывали около 8-10 тыс. чел.¹⁰ К концу колониального периода численность алеутского населения упала до 500 чел.¹¹ Тенденция отрицательной демографической динамики коренного населения была в меньшей степени типичной для русской колонизации восточных территорий, по сравнению с англосаксонской колонизацией Америки, где местные народы подвергались целенаправленным гонениям и вымирали¹². Коренные народы для русских (также как, например, индейцы в Канаде для французов) были, прежде всего, поставщиками ценнейшей пушнины, что определяло заинтересованное отношение к ним со стороны переселенцев и требование центральной администрации вести дело с инородцами «ласково». Глав

ной причиной столь резкого сокращения численности алеутов в период Русской Америки можно назвать гибель аборигенов в результате эпидемических заболеваний. Особенно разрушительной была эпидемия оспы 1835—1840 гг., которая привела к обезлюдению практически всей южной половины Аляски, сократив численность коренного населения примерно на треть. Несмотря на интенсивные меры, предпринимавшиеся русской администрацией по проведению вакцинации, количество алеутов уменьшилось с 6 991 чел. (по данным на 1 января 1836 г.) до 4 007 чел. (1 января 1840 г.)¹³.

Специалист в области исследования северных и полярных областей англичанин Т. Армстронг отмечал «удивительную закономерность в истории отношений русских и аборигенов севера». Она выражается в том, что мягкое и гуманное официальное отношение к аборигенам перемешалось с бесконтрольным или недостаточно контролируемым поведением отдельных предпринимателей. Но все же после того как русская власть на Аляске была твердо установлена, конфликты стали гораздо более редкими, хотя аборигены и превосходили русских числом¹⁴.

Таким образом, в целом, судьба аборигенов, населявших Русскую Америку, была принципиально такой же, как судьба всех других туземцев, с которыми сталкивались двигавшиеся на запад европейские первооткрыватели, — убийства, эксплуатация, эпидемии и демографическая убыль. В то же время, характеризуя русский колониальный опыт, мы можем говорить о своеобразной форме сотрудничества, сложившейся между пришлым и коренным населением. В ранний период контактов (1760—1780) широко практиковалось вооруженное взаимодействие — обе стороны привлекали друг друга для нападений на то или иное племя аборигенов. Туземцы широко использовались русскими в качестве толмачей и проводников. Позднее помощь местных жителей в исследовательских экспедициях, снаряжавшихся Российско-американской компанией по Аляске, также играла огромную роль¹⁵.

В период монопольного действия Российско-американской компании алеуты выполняли функции ее работников в самых различных сферах колониального хозяйства, но прежде всего, они вели морской промысел традиционными способами. Важно подчеркнуть, что если в Сибири русские промышленники били соболя и белку наряду с местными охотниками, то в Беринговом море все попытки освоить специфическую технику морского промысла, а тем более «модернизировать» его, применив огнестрельное оружие, оказались малоудачными. Первооткрыватель и исследователь северных районов Аляски лейте-

нант Л.А. Загоскин «к слову о бобровой промышленности» считал «лишним прибавить, что русские в округах Кукоквимском и Нушаганом стреляют бобров из ружей; это производство не выгодно для края заставляя бобров удаляться в более глухие места, и не вознаграждая промышленника, потому что из десяти стреляных бобров разве три доходят к рукам, прочие или тонут на месте, или скрываются ранены и после издыхают»¹⁶. За сданную пушнину алеуты получали от Российско-американской компании плату, однако, отмечал Главный правитель ее Ново-Архангельской конторы К.Т. Хлебников, «бросается глаза незначительность суммы, расходуемой на алеутов, и удивительная несоразмерность оной с пользою от них извлекаемой»¹⁷.

В целом, как убедительно показывает Дж. Гибсон, на Аляске русские зависели от аборигенов (превосходивших пришельцев в пропорции примерно 60 к 1), в том числе от основных врагов русских — тлинкитов, и эта зависимость была хрупкой и одновременно очень прочной¹⁸. «Заметь, что русские любят вкусно поесть и красиво одеться, они начали доставлять им рыбу, яйца, ягоды, птиц, мясо, всякую одежду и, получая за все это плату европейскими товарами, поставили себя в некоторую зависимость от себя», — отмечал современник¹⁹. Местное население поставляло для колонистов самое необходимое — не только пушнину и продовольствие, но и женщин. Последнее было весьма актуально, так как соотношение среди русских мужчин и женщин составляло 30 к 1²⁰. Постепенно сожителство русских колонистов и алеутов приобретало легитимные черты и освящалось церковью. Дети, рожденные в этих браках стали главной опорой русских в колониях, а численность креолов имела устойчивую тенденцию к росту: с 533 (1822 г. до 1989 человек (1863 г.), т.е. в 3,6 раза²¹. При этом русское население Аляски в среднем оценивалось примерно в 550 чел., максимум (823 чел.) приходился на 1839 г. (Совокупный максимум всех жителей в Русской Америке составлял в 1837 г. 11 022 чел.)²². Таким образом уникальность русского освоения Америки заключалась в постоянной апелляции к туземному опыту и использовании рабочей силы аборигенов несравненно меньшим по количеству числом колонизаторов.

Российская колонизация Америки имела важное цивилизационное значение, связанное с изменениями в технологической, социальной и культурной областях. В экономике эти перемены отмечены появлением новых ремесел и производств, освоенных аборигенами, привнесением на Аляску кредитно-денежных отношений. В социальной сфере наблюдались такие процессы как трансформация патриархально-родовых отношений, развитие новых черт в социальной иерархии, появ-

ление наемного труда, рост мобильности населения. Наиболее значимыми оказались культурно-цивилизационные сдвиги. Они связаны с эрозией традиционного сознания, христианизацией, появлением и развитием школьного образования, системы здравоохранения, инновациями в быту, понятийными и лингвистическими заимствованиями.

За 125 лет российского присутствия сильное влияние на коренное население оказало православие. Более ста лет спустя после ухода русских оно остается самой большой религиозной общностью среди аборигенов Аляски. Важнейшая заслуга в этом принадлежит от. Иоанну Вениаминову (Иннокентию), прошедшему путь от священника на о. Уналашка (с 1824 г.) до епископа Аляскинского (с 1840 г.), а затем и митрополита - главы всей церкви в Российской империи. Его стараниями к 1850 г. на Аляске было создано 9 церквей, 37 часовен, и насчитывалось 9 священников, 2 дьякона и примерно 15 тыс. православных²³.

Истинный просветитель, он много внимания уделял развитию образования, создав на островах школу, в которой обучались алеуты, а затем и семинарию в Ситке. Он разработал письменность для алеутского языка и с помощью алеутского тойона Ивана Панькова подготовил и опубликовал катехизис - первую книгу на алеутском языке²⁴. Иннокентий добивался изучения православными священниками языков и обычаев местных народов. Он спроектировал и с помощью своих прихожан, которым он сам показывал пример в ремесле, построил первую церковь на Уналашке и собор Святого Михаила в Ситке. «Алеуты ... очень скоро переняли от русских все рукоделия, какие только имели случай видеть. Так между ними есть хорошие столяры, плотники, ... слесари, кузнецы и сапожники»²⁵.

Сведущий в медицине, от. Иннокентий сумел, преодолевая естественный страх аборигенов, провести среди них вакцинацию и спасти многие жизни во время эпидемии оспы в 1836 г. В целом здравоохранение в колониях распространялось преимущественно на служащих компании, однако и некоторые аборигены также прямо или косвенно могли пользоваться ее преимуществами. Примеры этого — принудительное лечение женщин Ново-Архангельска и Кадьяка от сифилиса в 1840—1850-х гг. и противооспенные вакцинации аборигенов Аляски, проживавших неподалеку от русских поселений, в конце 1830-х гг. Правда, как отмечает Р. Фортюн, в обоих случаях политика определялась скорее заботой о собственных интересах, нежели альтруизмом²⁶.

Таким образом, православные священнослужители в отличие от представителей других христианских миссий проявили терпимость к языкам и обычаям коренного населения. После продажи Русской Аме-

рики США в 1867 г., духовное влияние православия сохранилось. В настоящее время православная церковь в Америке (выросшая из миссии, прибывшей на Аляску в 1794 г.) насчитывает около миллионов прихожан, 12 епархий, три семинарии и шесть монастырей. В 1980-х гг. православие на Аляске переживало период бурного обновления. Если в 1972 г. во всех 80 православных общинах было всего 9 священников, то в 1989 г. их стало 35, и свыше половины из них — алеуты, тлинкиты, эскимосы. Было создано 6 приходов, а уже сложившиеся общины построили 33 церкви. На всей Аляске сейчас насчитывается около 90 приходов, 35 священников и больше 100 чтецов с семинарским образованием. Там, где нет священников, богослужение проводят чтецы. Большинство священников — из местных жителей, поэтому они могут жить в деревне, которая по-прежнему существует благодаря рыболовству и охоте²⁷.

Школы, созданные русскими на Аляске во второй половине XVIII и первой половине XIX в., «посадили семена интеллектуальной любознательности и образовательного развития среди аборигенов»²⁸. При этом первый опыт билингвистического подхода был осуществлен уже на занятиях, проводившихся Г. Шелиховым в основанной им в 1784 г. школе и в обучении аляскинских аборигенов И. Готовым на Лисьевских островах в 1795 г. По данным компании и церкви, не менее 36 креолов за весь период существования колоний были посланы в столицу и другие русские города для обучения. «Число учебных заведений в колониях для воспитания туземцев простиралось к 1840 г. до восьми, именно четыре училища для 100 мальчиков и столько же приютов для девочек»²⁹. Русская традиция двуязычия после продажи Аляски США к несчастью для алеутов, была надолго заменена американской системой абсолютного господства английского языка.

Жизнь русских колонистов и аборигенов Аляски в тесном контакте и постоянном взаимодействии была богата взаимными бытовыми и культурными заимствованиями. Русские оценили преимущества одежды алеутов, приспособленной к условиям северного климата и носили камлеи, парки и пр., пользовались их средствами передвижения, загоняли юколу и другие продукты так как это делали алеуты. С другой стороны, русские обычаи «с жадностью перенимаются ими»³⁰. Сильнейшей страстью алеутских девушек было «выйти замуж за русского или даже за креола, или, иными словами, выйти из родового своего сословия»³¹. По мере проникновения колонистов на север даже в отдаленных районах Аляски формировался спрос на типичные предметы русского обихода. Помимо традиционных статей обмена (бисе-

ра, котлов, медных кружек, различных железных изделий) «богатые торговцы, увидя преимущество нашей одежды для летнего времени, начали требовать ситцевых рубах, одеял, суконного платья, шапок и некоторые даже сапогов; и управляющий артелью, видя в таком их желании несомненные пользы компании, не жалел с себя ничего. Мы также способствовали ему по возможности, награждая собственным бельем некоторых, оказавших усердие экспедиции»³². Л.А. Загоскин отмечал быстроту перемен в жизни местных племен, соприкасавшихся с очень ограниченным числом русских, живших в редутах и одиночках к северу от основной зоны колониальных поселений на Аляске. «Со времени основания Михайловского редута и заселений, учрежденных по Квихпаку (в 1840-е гг. — Е.А.), физический быт туземцев осмотренных нами мест, видимо, улучшился... не прошло и 10 лет, как туземцы оставили каменные топоры, каменные ножницы или пеколки, палочки для доставания огня, костяные иглы и многие другие предметы, заменив их европейскими. Некоторые, убежденные опытом в удобности наших материй и одежды, где видят умеренность цен, охотно берут рубахи, брюки, шапки, одеяла и прочее»³³.

Подчас обладание европейскими вещами, не опирающееся на устойчивую культурную традицию приводило к курьезам. «С распространением просвещения возродилась роскошь: блондовые платья, атласные шляпки для креолок выписывались из Петербурга, и они в таковых изволили отправляться на босу ногу за водою»³⁴.

Традиционные блюда русской кухни (пирог, оладьи, студень, голубцы, балык, кулич и др.), по наблюдениям американского профессора Л. Блэк, до сих пор составляют часть местной кухни на Аляске (среди групп алеутов, тесно связанных с русскими до 1867 г.)³⁵. На Кадьяке в ходу и местные, и русские названия медицинских растений. Практика русской народной медицины отражается и в некоторых приемах врачевания. Тертый картофель в носке в некоторых случаях прикладывается к ноге пациента, русская баня часто используется для лечения, а младенцы пеленаются «как мумии»³⁶.

Данные фольклористики свидетельствуют о широком распространении на территории бывшей Русской Америки сказок про Ивана Дурака. Другие русские народные сказки менее распространены, или имеют хождение в определенном районе. Таким примером служит тлинкитская история, основанная на русской народной сказке о Василисе Прекрасной или Василисе Премудрой. Р. Дауенхауер также находит отголоски былинного героя Ильи Муромца в фольклоре Тлинкитов. В некоторых районах Кадьякского архипелага, особенно на Афогнаке и

в северных поселениях, до сих пор рассказывают о русалках и сусяках. Ныне практикуются ставшие традиционными такие игры и развлечения коренного населения как: катание на лыжах, лапта (в местном произношении лаптак (laptaq), городки, палочка-стукалочка, игра мячик и др. На о. Св.Павла, например, дети и сегодня играют в «ладушки»³⁷.

Взаимообогащение культур не ограничивалось территорией Аляски. Меха калана, добываемый Российско-американской компанией столь ценный китайской аристократией, в больших объемах обменивался на китайский чай. В 1842—1859 гг. совокупный доход РАК от торговли китайским чаем (а компания ввозила в Россию 30% от общего количества импортируемого китайского чая) был в два раза больше, чем от продажи мехов³⁸. Таким образом, русская традиция чаепития в многом обязана российским колониям в Америке.

К сожалению, природные условия (за исключением колонии Росса в Калифорнии) и малочисленность русского населения на Аляске препятствовали широкому развитию сельского хозяйства и приобщению земледелию коренного населения. Алеуты научились выращивать овощи, в том числе картофель и занимались животноводством, но «польза от скотоводства до 1831 г. ограничивалась только молоком, употребляемым правителем, байдарщиками и еще весьма немногими из русских. Только с 1831 г. начали выделять масло, и в течение 20 лет было выделано более 20 пудов. Содержание коров очень затруднительно и дорого, ибо сена надо готовить не менее как на 6 месяцев»³⁹.

Безусловно, сложившаяся на протяжении веков организация жизни аборигенного населения, стоявшего, правда, на весьма низкой ступени общественного развития (родового общества), была серьезно нарушена и встает вопрос о том, насколько взгляды колонистов, считавших, что они оказывают благодеяние, обменивая добытые охотниками меха на марки компании и снабжая туземцев прежде неизвестными им мукой, чаем, сахаром, табаком, европейской одеждой, обучая их ремеслам и земледелию, разделялись самими аборигенами? И.Вениаминов зафиксировал как «некоторые старики алеуты говорят, что если бы русские не пришли на здешние острова, то вероятно все бы они были истреблены даже без остатка. И с этой стороны прибытие русских, положивших конец всем войнам и междоусобиям можно почесть благодеянием для островитян»⁴⁰.

С другой стороны, сами русские современники, отмечая положительное значение прекращения жестоких междоусобных войн, при-

знавали, что возлагаемые надежды на просвещение аборигенов, их «продвижение вперед по стезе человеческого образования», знакомство с «высокими истинами религии», «художествами и науками» не оправдались. Они считались крещеными, но, как отмечал Главный правитель Российских колоний в Америке в 1829—1836 гг., (впоследствии (1855—1857 гг.) морской министр России) адмирал Ф.П. Врангель, «решительно никакого понятия о вере не имеют и даже наружные обряды религии не исполняют, и даже не знают...»⁴¹. Ничего такого не изменилось к лучшему, но словам Врангеля, и в быту алеутов: «те же землянки, вмещающие по несколько семей каждая, та же неопрятность, та же безрасчетливость в запасах и расходах съестных припасов при меньшем довольстве, при меньших средствах удовлетворять необходимейшим потребностям жизни. С весны по осень все мужчины, к работам способные, посылаются от компании в разъезды за бобрами и за птицами. С осени до весны они заняты земляными промыслами лисиц и выдр, и хоть эта мера необходима для существования компании, однако ж островитяне мало чрез оную выигрывают. При слишком умеренной плате за промыслы и весьма высоких ценах на товары, которыми платят им, они не в состоянии одеть себя и семейства свои без нужды, не говоря уже о щегольстве. Прежде они не нуждались в природной их одежде, а теперь и сии парки и камлеи должны они по большей части покупать или другим образом выслужить от компании, и весьма немногие имеют по рубахе и суконного платья. Ни в пище, ни в одежде состояние их не улучшилось. Самое огородство, к которому старались приохотить их, весьма немного помогло их домашнему хозяйству; от недосуга, худого присмотра и неопытности сажается при жилах алеутских такое ничтожное количество картофеля, что он более служит к лакомству, несколько дней осени, нежели способом продовольствия в течение года». Отвечая на вопрос, почему было за полстолетия (со времени основания в 1784 г. русского поселения Г.И. Шелеховым) «так мало сделано в пользу народа», Врангель усматривает главную причину этого в нерадивости тех русских, от которых это зависело и во многом, в действиях духовной миссии, которая «поддерживала разврат и вела бесперывную войну с местным начальством», не обращая «ни малейшего внимания на изучение языка» и ожидая всего «от чудесной силы креста»⁴².

Более чем столетний опыт жизни русских с аборигенами Аляски, безусловно, вобрал в себя и отрицательные, и положительные стороны. Объективно поселение на Аляске (еще до провозглашения США)

российских колонистов — людей из общества с развитыми аграрными традициями, находившегося в преддверии перехода к обществу индустриальному, исповедующих монотеистическую религию, — явилось мощным импульсом, встряхнувшим развивавшееся в своей сложной парадигме общество аборигенов Аляски. Разрушения при столкновении двух систем были неизбежны. Однако в результате имплицитно присутствовавшей установки на комплиментарность, контаминацию элементов, итогом взаимодействия стала не катастрофа и аннигиляция, а, напротив, диффузия и синтез. Важно подчеркнуть, что уклады жизни и местная культура сохранялись и даже обогащались, так как в начале XIX в. в колониях устойчиво разворачивалась система обучения, просвещения. Русские определяли алеутских охотников на работу, сохраняя традиционную технику охоты, культурную специфичность, поддерживая авторитет вождей, интегрируя аборигенов в русское общество.

Исторический прецедент недостаточного внимания центра к периферийным землям весьма поучителен: в 1867 г. Российская империя лишилась своей огромной стратегически и экономически важной части — Аляски и Алеутских островов. Причинами этой утраты стало отнюдь не столкновение двух культур — русской и алеутской, конфликты между которыми были так или иначе разрешены, но геополитические и экономические факторы напряженности. Главным из них, обусловившим принятие решения о продаже Российских колоний в Америке, явилась угроза открытого территориального конфликта США и несоответствие форм и низкой эффективности хозяйствования в Русской Америке требованиям национального развития России, быстро продвигавшейся во второй половине XIX в. по пути модернизации. В конечном счете, потеря Русской Америки явилась началом процесса сжатия Российской империи, ее постепенного заката. Если колонизация Сибири представляется динамичным отступлением «подвижной границы», растеканием русской диффузионной волны, то Русская Америка, в полной мере стала последним, восточным фронтиром русского государства, тем рубежом, где сошлись несколько диффузионных волн (российская, американская, канадская, испанская). Цивилизационное будущее России в существенной степени зависит от того, сохранится ли Сибирь как географическое пространство России, будут ли созданы условия для ее развития, адекватные требованиям геополитической, технологической и социокультурной ситуации XXI в.

Примечания

¹ Полубота А. Дальний Восток отдадут в «хорошие руки» [Электронный ресурс] // Свободная пресса. 2012. 1 февраля. Режим доступа: <http://svpressa.ru/politic/article/52231/>, свободный.

² Опрос: треть жителей городов России хотели бы эмигрировать из страны [Электронный ресурс] // РБК. 2012. 21 сентября. М., 1995-2012. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20120921021414.shtml>, свободный.

³ Сибирь и Дальний Восток: «забытый край» — или «локомотив развития»? [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения: офиц. сайт. 2012. 21 июня. Пресс-выпуск № 2052. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=112841>, свободный.

⁴ 40% жителей Сибири и Дальнего Востока мечтают уехать из «российской Индии». Будущей «колонизальной госкорпорации» придется завозить население из Китая? [Электронный ресурс] // «NR2.ru» Новый регион. 2012. 13 июля. Режим доступа: <http://www.nr2.ru/economy/394990.html>, свободный.

⁵ Наследием русского периода в истории тихоокеанских земель США является исторический парк штата Калифорния Форт Росс. Ежегодно Форт Росс посещают 150 000 человек. В нём происходит ряд культурных событий. Наиболее значительным является День культурного наследия, проводимый ежегодно в последнюю субботу июля, в программе которого православная литургия, выступления музыкальных и фольклорных коллективов, показательные стрельбы из исторического стрелкового оружия.

⁶ До наших дней сохранилась остатки каменного фундамента форта. В настоящее время Елизаветинская крепость — исторический парк «Русский форт Елизаветы» (Russian Fort Elizabeth State Historical Park).

⁷ Многочисленные работы Н.Н. Болховитинова, С.Г. Федоровой, Л. Блэк, А.Ю. Петрова, А.В. Гринева и мн. др.

⁸ Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII вв.: очерк сравнительной истории колонизации. СПб., 2010. С. 369; Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII — XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001; Агеев А.Д. Сибирь и американский запад: движение фронтиров. Иркутск, 2002.

⁹ Алексеева Е.В. Восточный фронтир. (Движение России на Восток и освоение Русской Америки во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.) // Проблемы выявления и сохранения памятников истории освоения Сахалина и Курильских островов. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции, посвященной 350-летию выхода России к берегам Тихого океана. 17-18 октября 1989. Южно-Сахалинск, 1989. С.21-24; Алексеева Е.В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998.

¹⁰ Ляпунова Р.Г. Алеуты. Очерки этнической истории. Л., 1987. С.85.

¹¹ Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII в. — 1867 г. М., 1971. С.149.

¹² Стратегия для России: 10 лет СВОП. М., 2002. С.735-736.

¹³ Цифры, приблизительно иллюстрирующие динамику численности коренного населения в Сибири и в Америке за период с начала освоения этих субконтинентов в XVI в. до конца XIX в., отражают диаметрально противоположные тенденции: убыль аборигенов на территории США с порядка одного миллиона до 200 тыс. человек, в то время как в Сибири, за аналогичный период их число выросло с примерно 200 тыс. (учитывая женщин и детей) до цифры, близкой к миллиону человек. Аборигены Сибири не вымирали, а имели высокие темпы прироста. Об этом говорят сведения следующих обследований. В начале XVII в., в 1622 г. по данным администрации, в Сибири было 173 тыс. местных и 23 тыс. пришлых жителей. По данным первой ревизии (1719 г.) население всей Сибири

уже насчитывало 241 тыс. душ м.п., в том числе аборигенов — 72 тыс. душ (29%). По II ревизии (1745 г.) коренных жителей в Сибири было 108 тыс. м.п., по V (1796 г.) — 183 тыс., по X (1858 г.) — 324 тыс. душ м.п., т.е. за 140 лет население увеличилось на 252 тыс. ревизских душ (в 3,5 раза) или по 1,8 тыс. душ м.п. в год. Если в XVII в. бурят насчитывалось немногим более 27 тысяч человек, то к концу XIX в. (1897) их стало уже 280 тыс.; численность алтайских тюрко-язычных народов за то же время увеличилась с 16,7 тыс. до 108,8 тыс. человек; число сибирских татар возросло с 17 до 53 тыс. человек. В Сибири в конце XVIII в. насчитывалось 363 тыс. жителей местных национальностей (обоих полов), а в конце XIX в. их стало 816 тысяч, или в два с половиной раза больше.

¹³ Sarafian W. Smallpox strikes the Aleuts // *Alaska Journal*. 1977. № 7. P. 4.

¹⁴ Armstrong T. *Russian Settlement in the North*. Cambridge University Press. 1965. P. 120.

¹⁵ Постников А.В. Русская Америка в географических описаниях и на картах 1741–1867. СПб., 2000.

¹⁶ Загоскин Л.А. Путешествия и исследования лейтенанта Л.А. Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956. С. 222.

¹⁷ Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. Л., 1958. С. 248–249.

¹⁸ *European Settlement and Development in North America* / Ed. by J. Gibson. Toronto. Buffalo. 1978. P. 54; Antanson J.M., Hanable W.S. *Alaska's Heritage*. Alaska Historical Society for the Alaska Historical Commission, Department of Education, State of Alaska, 1985. P. 111.

¹⁹ Загоскин Л.А. Путешествия ... С. 85.

²⁰ Sarafian W. *Russian-American Company Employee Policies and Practices, 1792–1867*. PhD Dissertation. University of California and Los Angeles, 1970. P. 140–141.

²¹ Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии... С. 153.

²² Там же. С. 140, 248–251. (Народонаселение Русской Америки. 1799–1867. Таблица).

²³ Gregory, His Grace, The Right Reverend. *Orthodoxy in Alaska* // *Russian North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America*. Kingston, Ontario. Fairbanks, Alaska, 1990. P. 293.

²⁴ Вениаминов И. Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий христианский катехизис. СПб., 1840.

²⁵ Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. 2. С. 15.

²⁶ Fortune R. *Chills and Fever. Health and Disease in the Early History of Alaska*. University of Alaska Press, 1989. P. 86–87.

²⁷ Макдональд Д. Православие на Аляске [Электронный ресурс] // Православие и мир. 2008. 17 января. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/pravoslavie-na-alyaske/>, свободный.

²⁸ Starr L. *Education in Russian Alaska*. Alaska State Library Historical Monograph Number 2. 1972. P. 32–34.

²⁹ Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861. Ч. 1. С. 305.

³⁰ Загоскин Л.А. Путешествия ... С. 54.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 183.

³³ Там же. С. 197.

³⁴ Там же. С. 367.

³⁵ Black L. *Fusion of Cultures and Meeting of the Frontiers: In Memory of Ordinary People* [Electronic resource] // The Library of Congress. 2010. September, 2. Режим доступа: <http://frontiers.loc.gov/intldl/mfhtml/mfhome.html/>

- * Mulcahy J. B. Birth and Rebirth on an Alaskan Island. Athens and London, University of Georgia Press, 2001. P.56, 57, 108-109.
- ²⁷ Black L. Fusion of Cultures and Meeting of the Frontiers... [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://frontiers.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfhome.html>
- ²⁸ Lada-Mocarski W. Bibliography of Books on Alaska Published Before 1868. Yale University Press, 1969. P.6.
- ²⁹ Вениаминов И. Записки ... Ч. 1. С. 71.
- ³⁰ Вениаминов И. Записки ... Ч. 2. С. 186.
- ⁴¹ Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. Ленинград, 1979. С.242.
- ⁴² Там же. С.242.-243.

В.А.КОРШУНКОВ

УРАЛЬСКИЕ ДОРОГИ В XIX в.

(по впечатлениям путешественников)

Расстояния, средства связи, пути сообщения в значительной степени определяли характер России и особенности жизнеустройства её населения. Так что обстоятельства дорожных перемещений в нашей стране заслуживают самого серьёзного изучения. Это погодно-климатические условия, состояние дорог, подстерегавшие путников разнообразные опасности, стереотипы поведения людей в пути, дорожные привычки и обычаи, а также возникавшие на дорогах конфликты.

Все эти условия, обстоятельства и ситуации, сопутствующие сухопутному путешествию, определяющие его ход и исход, можно было бы назвать дорожной традицией. Разумеется, в традицию входят не только более или менее рационально планируемые и организуемые аспекты путешествия, но также разнообразные мифологические, обрядовые, фольклорные, эмоционально-психологические аспекты поведения человека в дороге, его реакции на происходящее.

Очевидно, что в такой протяжённой и разнообразной по своим природно-климатическим условиям стране трудно было достичь единообразия в дорожном обустройстве, даже если бы власть этого очень хотела. Потому существенным может быть изучение локальных вариантов дорожной традиции.

Здесь речь пойдёт об Урале в XIX в. Будут рассмотрены объективные данные, связанные с состоянием уральских трактов. Однако для изучения дорожной традиции важнее не формальные сведения, выраженные в вёрстах и пудах, а личностное восприятие этих обстоятельств путниками. И потому важным источником нашего знания о дорогах станут сведения, запечатлённые в тогдашней художественной литера-